

Валерий Базаров

Запятая на дороге в бесконечность

Введение

Гессены... Фамилия говорит, откуда они пришли – из Германии, Земля Гессен... А до того? Кто знает?

Начнем с Одессы. Уже из Одессы, как и многие другие еврейские семьи, они распространились по всей обитаемой планете. Их жизнь не была спокойной. Они участвовали во всех мировых конфликтах, известных с восемнадцатого по двадцать первый век. Об этой семье написано много книг, статей, мемуаров. В нашу задачу входит лишь подробное описание небольшого отрезка времени – с 1940 по 2010 год, как раз выпавшего из внимания историков, занимавшихся этой семьей, в том числе самого пытливого и внимательного из них – Валерия Юльевича Гессена. Он просто не знал о существовании этой ветви своей семьи, и она не была включена в его фундаментальный труд «Историк Юлий Гессен и его близкие». Мне же посчастливилось познакомиться и даже подружиться с представителями именно этой ветви, органично вписавшейся в ветвистое семейное древо.

Как это произошло и что в этом необыкновенного? Сначала немного генеалогии.*

* Все исторические данные о семье Гессенов до начала Второй мировой войны взяты из книги «Историк Юлий Гессен и его близкие», В.Ю. Гессен, СПб., 2004. Интересующихся подробностями отсылаю к трудам Олега Губаря, посвященным еврейским первопоселенцам Одессы, в частности: «Очерки ранней истории евреев Одессы», Олег Губарь, Одесса, 2013.

Основателем рода Гессенов в России был Исаак Гессен, родившийся в 1745 году. Его сын, Муниш Исаакович, числился мещанином в Одессе с 1795 года, а с 1808 купцом 3-й, а затем 2-й гильдии. Это корни. Дерево разрослось, и среди ветвей его был и основатель вместе с П.Н. Милюковым партии конституционных демократов, были успешные предприниматели, ученые, врачи, инженеры. Почти все они прошли революции, войны, подвалы Лубянки и лагеря. Во время Второй мировой войны некоторые члены семьи Гессен оказались на территории оккупированной или вишистской Франции. О них-то наш рассказ.

Глава I. Загадочная фотография

Занимаясь воссоединением родственников, разделенных революциями, войнами и вольными, а чаще невольными перемещениями по планете Земля, я не мог не обратить внимания, что существовало несколько еврейских и нееврейских организаций, занимавшихся активной помощью евреям, находившимся в оккупированных нацистами странах.* Разумеется, о территориях Советского Союза речь не шла. Там временной промежуток от создания гетто до расстрельного рва был слишком короток. В европейских же странах речь шла о годах, и существовала надежда вырваться из западни с помощью благотворительных организаций. Самыми известными были «Джойнт», Организация квакеров, Комитет экстренного спасения (Emergency Rescue Committee), «Хайсем» и другие. Безусловно, самым деятельным из них был «Хайсем», организация, более известная в русскоговорящей среде как ХИАС. Еще бы! Ведь мы все или почти все (эмигранты) вышли из ХИАСа. Начиная с 1880 года и до конца XX столетия четыре с половиной миллиона евреев переселились в Соединенные Штаты с помощью этой организации. К сожалению,

* Подробнее о деятельности еврейских организаций по спасению евреев на территории оккупированной Франции см. Валерий Базаров, «Времен связующая нить», Бостон, 2013 г.

направление ее деятельности настолько сильно изменилось за последние годы, что ее руководители стали стесняться еврейской составляющей в названии. Но это совсем другая история, к данной не имеющая отношения.

Изучая архивные материалы, я осознал, как сотрудники ХИАСа помогали евреям в оккупированных европейских странах, где им грозила депортация и смерть. Далеко не всегда единоборство заканчивалось победой. Слишком много препятствий встречалось на пути, слишком много палок вставляли в колеса спасательной колесницы, иногда с самой неожиданной стороны...

Но кто же были эти люди, вступавшие в борьбу с, казалось бы, непобедимой силой зла? О них, работавших под огнем в перекрестье прицела, не было известно почти ничего. Лишь плохонькая фотография мемориальной доски, установленной на здании ХИАСа в Париже после войны, найденная мною в архиве, сообщала имена одиннадцати сотрудников ХИАСа, погибших от рук фашистов. Увы, ни доски, ни самого здания больше не существует...

Был еще снимок сотрудников ХИАСа, сделанный в Марселе в июне 1942 года. Из переписки, найденной в архиве, я узнал, что директором ХИАСа в Марселе был Владимир Шах. По звучанию явно русское имя, но никаких биографических данных у меня не было.

Но все стало стремительно меняться, когда я получил коротенькое письмо от вашингтонского журналиста по имени Питер Катель **: «Я пишу биографию своих родителей, Жака и Хелен Катель. Они работали в ХИАСе во время войны. Отец – в лагере Ле-Миль, а мать в Марселе. Там же работал муж ее сестры, Евгений Шах. Отец Евгения, Владимир Шах, был директором ХИАСа во Франции. Моя мать живет сейчас в Вашингтоне, а Эрик Шах, сын Евгения, в Париже».

** Биография семьи Катель, подробности их жизни в Америке приводятся на основе материалов доклада Питера Кателя «Jacques Katel in the Cold War», прочитанного на 15-м Международном еврейском конгрессе, Иерусалим, 2009 г.

Сотрудники ХИАСа, Марсель, 1942 год. Удалось опознать лишь некоторых из них. Многие погибли в фашистских лагерях. В самом центре первого ряда с бородкой – Владимир Шах, руководитель ХИАСа во Франции. В последнем ряду, слева от дерева, его сын и помощник Евгений Шах. Рядом с ним слева – Жак (Яков) Катель. На ряд ниже, чуть наискосок слева – его жена Хелен Гессен-Катель.

В ответ я послал Питеру фотографию, сделанную в Марселе в 1942 году. Он немедленно опознал на ней своих родителей, а также Владимира Шаха и его сына Евгения.

Это было только начало. В декабре 2005 года я поехал в Вашингтон и встретился с Хелен Катель и Эриком Шахом, приехавшим на встречу из Парижа.

Затем последовали долгие месяцы работы в архивах, встречи и переписка с историками в Америке и Франции. И вот уже не безымянные лица глядят на меня с фотографии: имена на мемориальной доске обрели лица. Не у всех, но у некоторых из них появились биографии, обозначились судьбы.

Оказалось, что работа в ХИАСе/«Хайсеме» была во многих случаях семейным делом. В мирное время к такому явлению можно было отнестись скептически, но хотя во время войны в оккупированной Франции подобная «семейственность» и означала дополнительные продуктовые талоны и зарплату, риск, связанный с выполнением поставленных задач, подсказывал, что причины

совместной работы семейных кланов были более благородны. Пятьдесят лет истории семьи Гессен-Катель-Шах убедительно доказывают, что ее члены были не просто родственниками – они были соратниками в последовательной борьбе против фашизма и коммунизма, когда было нужно, с оружием в руках, а то и словом, разящим не хуже пули.

Глава II. Ожившие фотографии

Давайте посмотрим на эту фотографию, сделанную летом 1942 года в Марселе на юге Франции. Как мы помним, в то время Франция была оккупирована не полностью, юг входил в зону, управляемую правительством Виши.

Начнем с женщины, стоящей во втором ряду пятой слева. Это Хелен Катель, дочь Бориса Гессена, прапраправнучка Исаака Гессена, одесского купца. Выше, в третьем ряду, слева возле дерева стоят два друга и близких родственника Жак (Яков) Катель, муж Хелен, и Евгений Шах, муж Журы Гессен, еще одной дочери Бориса Гессена. В первом ряду в центре сидит мужчина с бородой. Это Владимир Шах, бессменный директор ХИАСа во Франции в самые тяжелые военные годы. До революции он работал финансовым советником у Юлия и Бориса Гессенов. В ХИАСе Шах работал с 1933 года.

Борис и Юлий помогли белому движению. В середине 20-х годов Юлия удалось заманить обещаниями концессии в Россию, где его арестовали. Он умер в тюрьме. Борис перебрался с семьей во Францию, но затем оказался в Польше. Войну он пережил и умер в Варшаве в 1946 году. Семья его осталась во Франции. В Париже пересеклись пути Кателей, Гессенов и Шахов.

Жак Катель изучал юриспруденцию в Сорбонне. Попутно он стал членом троцкистской группы, в которой оказалась девушка по имени Хелен Гессен, дочь Бориса Гессена. Молодые люди сразу потянулись друг к другу. В их прошлом было много общего – интеллигентные еврейские семьи, эмиграция, сходные политические взгляды.

Первой начала работать в европейском отделении ХИАСа, главная квартира которого находилась в Париже, Хелен, близкая родственница семьи Шах. Жак присоединился значительно позже, уже после поражения Франции и демобилизации из армии, куда он вступил добровольцем сразу после начала войны.

Глава III. Работа

ХИАС закрыл свои двери в Париже 11 июня 1940 года, за четыре дня до прихода фашистов. Во время короткой остановки в Бордо произошла первая стычка с немцами. Владимир Шах прибыл туда с архивом и несколькими сотрудниками 31 июня, а 2 июля в Бордо вошли немцы. Два немецких офицера в сопровождении французского чиновника явились в гостиницу и потребовали, чтобы Шах передал им весь архив ХИАСа. Это значило бы, что в руки фашистов попали бы десятки тысяч имен и адресов еврейских беженцев. Шах ответил категорическим отказом.

– ХИАС американская организация, а Германия не находится в состоянии войны с Америкой, – спокойно сказал он.

Гитлеровцы удалились, пообещав вернуться.

Надо было срочно уезжать. Владимир Шах сжигает часть документов и перебирается в неоккупированную зону Франции, в Марсель.

Переезд даже при нормальных условиях сравнивают с пожаром или наводнением. Что же сказать о переезде еврейской организации в стране, наводненной нацистами и французскими фашистами? Организации, большинство служащих которой было разбросано по разным городам, половина архива сожжена, а в кассе которой денег не было и в ближайшее время не предвиделось?

И все же осенью 1940 года ХИАС открывает двери для тех, кому нужна помощь с выездом, точнее – с бегством от приближающейся катастрофы. В эти двери хлынули потоком десятки тысяч евреев, оказавшихся в ловушке во Франции, – беженцы из Польши, Бельгии, Голландии, Эльзаса, Лотарингии, а также с оккупированной территории самой Франции. Среди тех, кто

Жак Катель интервьюирует возможных кандидатов на эмиграцию в лагере Ле-Миль (1940-1941 гг.)

обращался в ХИАС, были не только евреи. Многих беженцев интернировали в специальные лагеря, и сотрудники ХИАСа работали там, разыскивая людей, имеющих шансы на эмиграцию. Мы знаем, что одним из этих сотрудников был Жак Катель, работавший в лагере Ле-Миль. Остальные делали все, чтобы обеспечить жаждущих вырваться визами – в США, Южную Америку, Южную Африку, Китай, куда угодно, лишь бы подальше от зачумленной Европы.

Увы, желающих было гораздо больше, чем возможностей.

Но работа ХИАСа не ограничивалась поисками легальных возможностей для эмиграции. Владимир Шах установил связь с надежными подпольными группами, действовавшими в приграничных районах, и с 1942 года, когда начались крупномасштабные депортации из Франции, ХИАС переправил сотни евреев, в том числе множество еврейских детей, через испанскую и швейцарскую границы.

Кроме того, некоторые сотрудники ХИАСа непосредственно участвовали в боевых действиях партизан. Во время встречи в Вашингтоне Эрик Шах показал мне французский орден «За храбрость», которым был награжден его отец, а также удостоверение участника Сопротивления Владимира Шаха.

Работали в ХИАСе на износ – физически и психически. Хелен Катель вспоминает, что, когда Владимир Шах заболел, она и другие сотрудники должны были проводить «селекцию» (страшное слово, но, по сути, означавшее то же: налево – уезжаешь и живешь, направо – остаешься и погибаешь), отбирая тех кандидатов в эмигранты, которые удовлетворяли сложным, противоречивым и постоянно меняющимся правилам выезда из Франции и въезда в другие страны, в том числе и в США. Эти правила не допускали исключений, и даже 65 лет спустя Хелен не могла сдержать слез, рассказывая о тех, кому приходилось отказывать. Положение евреев во Франции продолжало ухудшаться. Вишисты, иногда с подачи немцев, а большей частью по своей инициативе стягивали петлю на шее евреев, в первую очередь тех, кто не имел французского гражданства. Часть сотрудников эмигрировала, в том числе Жак и Хелен Катель.

11 ноября 1942 года ХИАС переехал в департамент Коррез, в городок Брив-ла-Гайар, который был региональной столицей Сопротивления. После оккупации всей Франции легальная эмиграция стала практически невозможна, и ХИАС перешел на нелегальные операции, продолжая оказывать финансовую поддержку своим бывшим клиентам.

Прошло два года непрерывных трудов и борьбы. Жизнь семьи Шаха, как и его сотрудников, висела на волоске, который мог оборваться каждый день, каждый час.

Во время встречи в Вашингтоне я спросил у Эрика, не возник ли вопрос об отъезде в Америку. Ведь Шаху и его семье наверняка оформили бы визы.

В ответ на мой вопрос все засмеялись, как будто они не раз его обсуждали и давно пришли к единому мнению.

– Жена Владимира Шаха ни за что не хотела уезжать из Франции и никому не позволила, очень она была своенравна, – таков был ответ.

– Не может быть, – не менее уверенно заявил я.

Все несколько опешили. Кто я такой, чтобы знать о причинах важнейшего решения лучше, чем они, члены семьи?

А я не мог поверить, чтобы такие люди, как Владимир и Евгений Шахи, могли подчиниться капризу своенравной женщины, капризу, который мог стоять жизни им всем. Нет, чтобы остаться, рискуя собой и детьми, нужна была более веская причина. Ее раскрыл сам Владимир Шах. В письме в Нью-Йорк в октябре 1944 года он писал: «...Не раз я думал о своей отставке. Но в момент, когда немцы начали беспощадное преследование моих коллег, арестовывая сотрудников и членов Совета, я посчитал, что моя отставка была бы равноценна дезертирству перед лицом врага. То же самое относится к обстоятельствам моего сына, представителя нашей организации в департаменте Коррез».

Смерть действительно ходила за ними по пятам. Шел 1944 год. Освобождение было близко, но немцы и французская милиция свирепствовали вовсю. 4 апреля был совершен налет на помещение ХИАСа в Бриве. В руки гестапо попали Марсель Мейер и Натан Крамер, единственные не французские евреи, которым разрешили работать в ХИАСе после увольнения всех остальных. Они погибли в лагерях.

Но почему ни Владимира Шаха, ни его сына Евгения не было среди арестованных?

Рассказывает Эрик Шах: «Мы жили не в самом Бриве, а в соседней деревушке Мюссак. Отец (Евгений Шах) и дед (Владимир Шах) ездили на работу автобусом. В тот день дед чувствовал себя неважно, и папа, мама и бабушка пытались уговорить его остаться. Дед был упрям и не соглашался. Пока они спорили, время шло, и когда все поняли, что деда не переубедить, оказалось, что они опоздали на автобус, которым всегда ездили на работу. Пришлось сесть на следующий, который отправлялся через полтора часа. Остановка в Бриве находилась прямо напротив дома, где помещался ХИАС. Отец с дедом уже собирались выходить, когда заметили возле дома несколько полицейских машин. Они вернулись на свои места и поехали дальше».

Минута опоздания спасла им жизнь.

После освобождения Франции Владимир Шах вернулся в Париж, где продолжал руководить европейским отделением ХИАСа до своей отставки в 1947 году. В это время ХИАС занимался помощью перемещенным лицам, причем многих из них организация смогла переправить в Эрец-Исраэль нелегально. Умер Владимир Шах в 1949 году. Его сын и помощник Евгений перешел после войны на работу в ОРТ. Он умер в 1980 году.

Глава IV. Между двух миров

Жак Катель и его жена Хелен Гессен прибыли в Нью-Йорк 16 апреля 1942 года. Жаку было 26, а Хелен – 25 лет. Но молодым людям некогда было заниматься жизнеустройством – шла война, и они знали по личному опыту, какой дьявольской силе противостоят союзники. С их знанием английского, французского, русского и немецкого языков, на которых говорили основные воюющие страны, о работе беспокоиться не приходилось. Хелен устроилась переводчицей в одно из военных ведомств, а Жака пригласили в только что созданное Бюро военной информации (WOI). В задачи бюро, среди многих, входила пропаганда на вражеской территории (призывы к сопротивлению, военные сводки). Жак, разумеется, работал во французском отделе. Можно представить, с каким чувством он садился к микрофону, – в надежде, что его услышат близкие и друзья, оставшиеся во Франции.

После войны Жак и Хелен уехали в Европу и до 1948 года работали в лагерях для перемещенных лиц, помогая их иммиграции в страны Западного полушария. Официально они находились в штате Международного комитета экстренного спасения (ERC), но на фотографии, присланной мне Питером, сыном Жака и Хелен, я узнал двух сотрудников ХИАСа, стоящих рядом с Хелен Катель. Ничего странного, если вспомнить, что с 1945 по 1954 год ХИАС играл главную роль в организации иммиграции перемещенных лиц.

Беседа с семьей Шах-Катель, Вашингтон, 2005 год. Слева направо: Питер Катель, сын Жака и Хелен Катель, Валерий Базаров, Эрик Шах, сын Евгения Шаха и Журы Гессен (сестры Хелен), Хелен Катель

В 1948 году Катели вернулись в США. Вскоре Жак стал представителем «Франс Пресс» при ООН, а Хелен на время перестала работать – у них родился первенец, Питер.

В последний период жизни Жак стал редактором журнала «Atlas, the Magazine of the World Press», издававшегося с 1961 года. В журнале печатались статьи на политические темы со всего мира, как правило, с комментариями Жака Кателя. Одновременно квартира Кателей, где подрастали Питер и его младший брат Роберт, превратилась в своего рода салон, где встречались люди, так или иначе связанные с большевистским переворотом и его последствиями. Достаточно назвать Бориса Николаевско-го, меньшевика, высланного Лениным в 1921 году, и Александра Бармина, разведчика, ушедшего на Запад, спасаясь от сталинских чисток. Были там и деятели компартий различных стран, исключенные из рядов за отказ строго следовать московской линии, журналисты, высланные из соцстран за «клевету на социалистический строй».

У Жака Кателя никогда не ослабевал интерес к стране, где он родился, но не потому, что его мучила ностальгия, а потому, что он видел, во что превратили ее коммунистические правители.

В 1965 году Жак Катель начал работу над книгой об убийстве Кирова. К сожалению, ему не удалось довести работу до конца. 7 мая 1965 года он скоропостижно скончался от «аневризмы сосуда мозга». Ему не было и 49 лет.

После смерти мужа Хелен осталась с двумя сыновьями, 16 и 8 лет. В течение многих лет она работала от случая к случаю, но теперь пришлось перейти на полный рабочий день. Она переводит книги с французского, помогает журналистке из журнала «Time» переводить советских писателей-диссидентов, возвращается на работу в Международный комитет экстренной помощи. До начала 90-х она еще работала переводчицей для Женского совета по вопросам беженцев и Национальной коалиции гаитянских беженцев. В гаитянах Хелен видела народ, брошенный на произвол судьбы всем миром. В центре ее внимания всегда были незащитные люди, в каком бы уголке земли они ни обитали и к какой бы этнической группе они ни принадлежали. В Ревииц-Хаус, куда она переехала в 2005 году, она была движущей силой кампании по сбору средств в помощь пострадавшим от урагана Катрина. Даже в последний день своей жизни Хелен повезли на избирательный участок, чтобы она могла участвовать в выборах в Конгресс.

Хелен умерла 3 ноября 2010 года. Ей было 93 года. До конца жизни она сохранила острый ум, ясную память и умение наслаждаться жизнью. Никогда не забуду, как года за два до ее смерти мы с ее сыном Питером навестили Хелен в Ревииц-Хаусе, доме для... Как-то язык не поворачивается назвать элегантный особняк в отличном районе Бетесды, штат Мэриленд, домом для престарелых. Холл дома был заполнен празднично одетыми пожилыми людьми, звучал смех, на лицах читалось ожидание какого-то радостного события.

– У них вечно что-то происходит, – пояснил Питер, – сегодня после ужина будут бальные танцы.

Хелен Катель, 2009 год

Мы поднялись наверх в уютно обставленную комнату Хелен, и Питер вручил матери бутылку вина. Хелен внимательно изучила этикетку и только после того, как убедилась, что заказ был выполнен правильно, поставила ее на стол.

– Смотри, не переусердствуй в танцах, – предупредил Питер, – знаю я тебя.

Такой она и осталась у меня в памяти – красивая, со вкусом одетая женщина в предвкушении праздничного вечера. Женщина, прошедшая сквозь все потрясения двадцатого века. Женщина из поколения, не склонившего головы.

